

Театр Курьер —
2003 — № 1 (июнь) — с. 12

Более 10 лет назад, в момент возникновения, Театр на Покровке автоматически попал в разряд «театра для немногих» (причина очень проста: «многие» просто не помещаются). А его руководитель Сергей Арцибашев соответственно — в категорию «элитарных». Теперь Арцибашев стал главным режиссером Театра имени Маяковского — большого и для многих, и первое, что сделал, — перенес с Покровки гоголевскую «Женитьбу».

— Сергей Николаевич, так что: «Женитьба» — элитарный спектакль или массовый?

— И то и другое. Это «мой ответ Чемберлену», в смысле антрепризам, которые берут легкую литературу, привлекают знаменитых актеров, и получается успех. А я хотел показать, что можно взять Гоголя и сделать, чтобы смотрели все и чтобы всем было интересно.

— Почему вы так напираете на русскую классику?

— Русская классика — мое приращение. С ее помощью актеры могут расти — духовно и профессионально... Классика — основа репертуара, без этого опыта нельзя развивать театр.

— А чем Вас в таком случае привлёк Нил Саймон с пьесой «Банкет», которая стала последней премьерой театра?

— Во-первых, мне хочется, чтобы в репертуаре было занято как можно больше актеров. Занимая актеров среднего поколения, я даю отдохнуть ведущим, чтобы они не играли из вечера в вечер. Во-вторых, меня привлекла тема, которую затрагивает Саймон: муж и жена разводятся, распадается семья. По этой части у меня тоже есть какой-то человеческий опыт, и как-то не очень я тактично прошел через него. А здесь есть возможность высказаться. Саймон очень умело строит драматургическую канву, это держит зрителя. Потом — ну разве проблемы обязательно должны быть великими, затрагивающими мироздание? Мы волнуемся о том, что не могут договориться между собой политики, государства, а почему два человека не могут договориться? Это тоже моя зона размышления: почему побеждает самолюбие, эгоизм, претензии, амбиции — а можно же всю жизнь пройти рядом, доставляя друг другу удовольствие.

— Вы говорите, что глобальных мировых проблем спектакль не поднимает. Но по-человечески он трогает. Так для какого он зрителя — для массового или для элитарного? И вообще — у элитарного зрителя какая-то другая психология, восприятие, физиология? Почему он не может воспринимать простых вещей?

— Есть, конечно, некоторый снобизм: как бы слишком «маленькие» темы не для серьезного искусства. Иногда даже получается, что человеческое счастье — тоже мелкая проблема. С другой стороны — иной уровень развития означает и иной уровень восприятия, действительно иную психологию. Но ниже солнечного сплетения мы все приблизительно одинаковые... Я думаю, каждый получает свое: какой-то налет «мы выше этого» не красит элитарную публику. Когда эта элита выпивает по сто-сто пятьдесят грамм, куда-то все уходит. Не хотите ходить на Саймона — не ходите. Но конечно, мне бы хотелось, чтобы в моем спектакле было заложено несколько пластов, чтобы они были доступны для людей с разным уровнем и знаниями.

— Серьезная это драматургия или не очень, но я в какой-то момент все-таки всплакнула...

— Одно другому не мешает. У Саймона тоже затронуты болевые точки, но не в таком трагическом ключе, как у Толстого или Дос-

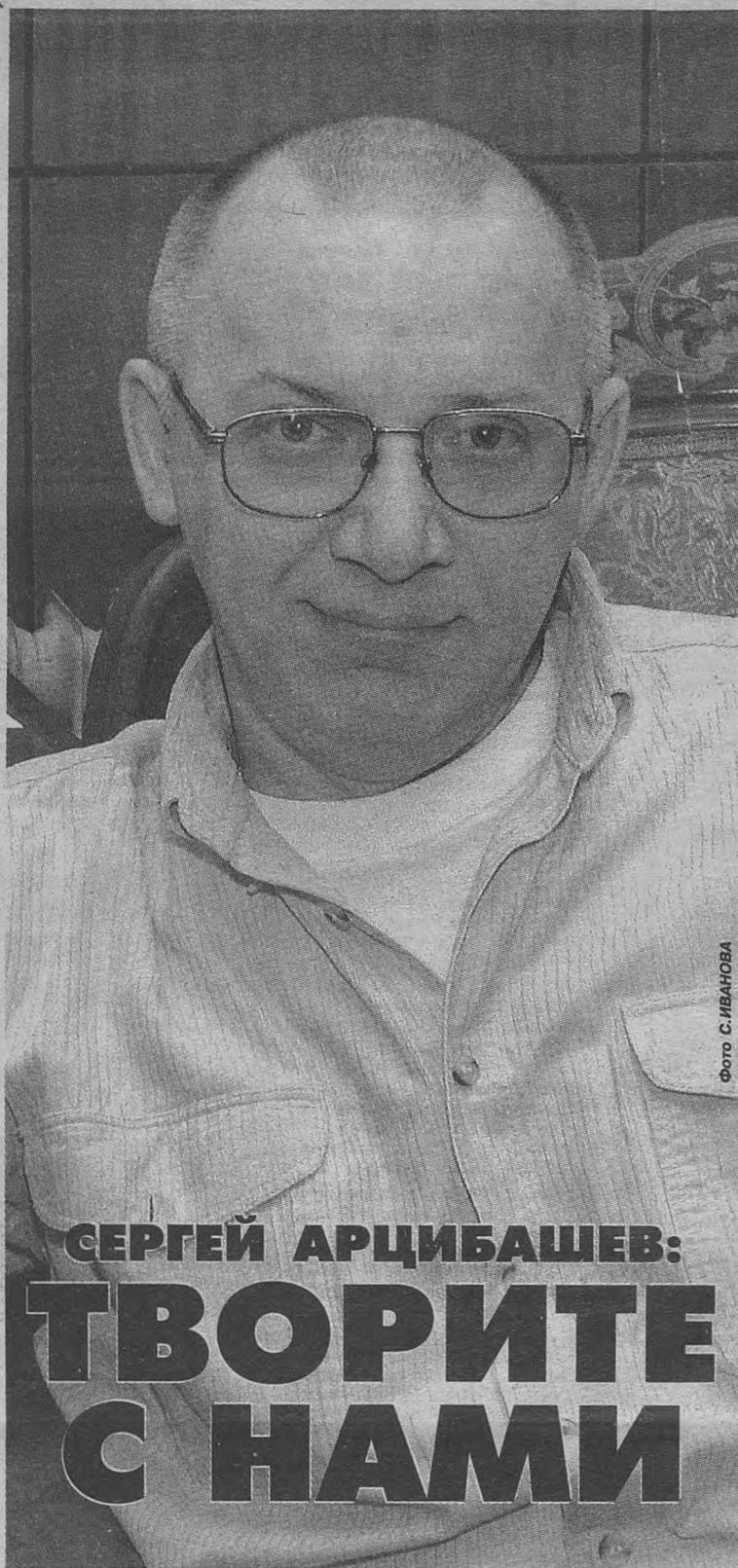

Фото С. ИВАНОВА

СЕРГЕЙ АРЦИБАШЕВ: ТВОРИТЕ С НАМИ

тоевского. Как там Станиславский говорил — развлекала, поучать.

— Ну, над тем, что говорил Станиславский, ныне принято подшучивать в кулуарах.

— Я думаю, это наша русская черта — этак немножко «стянуть» кумира с пьедестала: ну подумаешь — Станиславский! Что он такого сделал? Публику больше интересует: а с кем актер живет? А сколько у него браков? Он такой же, как и мы! Да еще и пьяница!

— Вы удивительным образом предвосхитили мой вопрос о вашей частной жизни и семье...

— Я счастлив в работе. Так сложилось. Хотя у меня есть дети, и я радуюсь их успехам и огорчаюсь неудачам. Но такой стабильности и такого тыла в этом нет, к сожалению. Жизнь в театре, театр в жизни — все смешалось. Не знаю, смогу ли я это разграничить. Думаю, что это не совсем правильно.

— Когда вы начинали на Покровке, то старались привлекать молодых драматургов. Теперь — нет. Почему?

— Я хотел ставить молодых, практически первые пьесы. И за два года репетировал пьес двенадцать, наверное. Из этих двенадцати две могли бы войти в репертуар. Но никто из начинающих драматургов не собирался работать с театром! Они считали: мы написа-

ли, как Булгаков, как Чехов, а вы играйте. А произносить их текст актерам оказалось тяжело. Актеры просили, чтобы автор сидел рядом, чтоб он видел, что и как в этой ситуации надо изменить, чтобы прозвучало по-человечески. Что, кстати, делали и Чехов, и Булгаков. А тут как-то не получилось.

— Была ли среди этих пьес серьезная драматургия?

— Для того чтобы пойти дальше — нет. Но мне казалось, что если бы авторы соприкоснулись с театром, то они бы поняли, что можно писать глубже и интереснее. И когда я так много потратил энергии и сил, я решил, что хватит — литература для театра уже есть. Тем более, что я ставлю еще и современную классику — Арбузова, Володина, Вампилова...

— Искусство может чему-то научить?

— Научить — нет. Оно может предложить человеку опыт, который он сам в жизни не имел. Чем я и занимаюсь: например, вы хотите разводиться? Вот вам Бергман — «Сцены из супружеской жизни». Посмотрите, к чему это приводит. Я предлагаю вариант игры. Пока зритель в зале, он может поиграть — безболезненно. По своему профессиональному опыту я лично знаю три-четыре случая, когда мой опыт игры был воспринят людьми,

и они поменяли свою жизнь кардинально.

— Расскажите!

— Например, один человек раздумал совершить самоубийство. Посмотрел спектакль и сказал: «Почему жизнь потеряла смысл? Можно же решить ее и по-другому». Вот так было...

— А еще как было?

— Как было, как было... Вот одна женщина, некрасивая и несчастливая, посмотрела спектакль «Надежды маленький оркестрик» на Таганке. Когда я увидел ее через год, она стала совсем другим человеком — у нее появился ребенок, она была счастлива. Или еще: пришла группа фармацевтов на Покровку смотреть «Ревизора». После спектакля даже не пошли выпить шампанского — поймали меня в зале и говорят: «Вы хоть знаете, что Вы сделали?» — «Ну так, немножко понимаю, вроде сделал спектакль». — «Ничего Вы не понимаете!». Один из них мне объяснил: «Я сидел на спектакле и думал: Господи, и знаю ведь этого «Ревизора», уже видел столько раз, читал, но почему Арцибашев как-то мог посмотреть под другим углом? А я сижу на своей работе, несколько лет у меня не выходит сделать лекарство, тыкаюсь в одну точку, и никак не могу посмотреть с другого боку. Я сейчас не могу дожидаться, чтобы завтра придти на работу». Человек смог посмотреть на известную вещь с другой стороны! Отнесся творчески к своей работе! К своей жизни! Вот это — театр, и это — опыт театра!

— Про Вас критики пишут, что Вы в своих спектаклях «чувствуете, что наболело в обществе, и эту боль концентрируете, иногда и снимаете». А какая боль в обществе сегодня?

— Самореализация. Вопрос, насколько твоя жизнь соответствует своему предназначению. Во-первых, надо понять, в чем оно, во-вторых, как-то смочь его реализовать. Сейчас же такое время, когда люди вынуждены отбросить свои в хорошем смысле амбиции, потому что мы вынуждены существовать, пробиваться, выбиваться. Но как пробиваться — идти по своему пути или подчиняться обстоятельствам?

— А Вы «темные страсти» в себе ощущаете? То, что 100 лет назад называли «арцибашевщиной» по фамилии Вашего предка-литератора?

— Да, это есть — целый набор. Человек же — это вселенная... Поэтому я и говорю, что искусство, театр — это такой опыт, благодаря которому можно понять, что в нас все есть, и лучше узнать своих внутренних врагов. Там много их, чертей этих... Помните, как в «Обыкновенном чуде» король говорил: «Это не я, а моя тетушка во мне проснулась». Об этом Достоевский писал: «Идет борьба добра и зла, а поле битвы — сердца людей...»

— То есть Вы так ощущаете? Для Вас это не абстракция?

— Для меня это не абстракция: разрушать, творить зло — это более легкое занятие. Для этого больших усилий не надо. Открыл рот — и пойдешь. А вот добро творить... Нужно усилие, и дело не в том, «что тебе за это будет», а твое внутреннее удовлетворение, за счет которого ты так немножко возвышаешься и можешь претендовать на что-то.

— А что вы ждете от своего зрителя?

— Я хочу, чтобы он участвовал в спектакле, точнее — чтобы у каждого зрителя был свой собственный маленький спектакль, еще точнее — замешать все происходящее так, чтобы со сцены все перекинулось в зал, чтобы было совместное действие. Чтобы зрители творили с нами.

Вера КАЛМЫКОВА